

(Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет, г. Семей)

**УСТОЙЧИВОСТЬ СУДА БИЕВ В ЭПОХУ,
ОПИСЫВАЕМУЮ В РОМАНЕ «ПУТЬ АБАЯ»¹**

(Представлено академиком НАН РК С.А. Каскабасовым)

Аннотация

Суд биев, зародившийся в недрах традиционного казахского общества, получил цивилизационное оформление в XIX веке, войдя в структуру официальной системы права Российской империи. Причины устойчивости суда биев, обладавшего высокими адаптивными качествами, раскрываются в романе М.О. Ауэзова «Путь Абая». Изучение реальных и художественных примеров вынесения решений судом биев выявляет успешную реализацию концепции единства норм права и морали в казахском обществе: традиционного права казахов и высокой моральности биев, как до, так и после политико-административной реформы 1867-68 гг. В условиях доминанции внешнего управления традиционный суд биев демонстрировал свою эффективность вплоть до директивного запрета деятельности биев уже при советской власти, что актуализирует внимание к его принципам на современном этапе.

Ключевые слова: суд биев, путь Абая, Чокан Валиханов, шакарим, Ауэзов, мораль, право.

Тірек сөздер: билер соты, Абай жолы, Шоқан Уәлиханов, шәкәрім, Әуезов, мораль, құқық.

Keywords: biy court, Abai's Way, Chokan Valikhanov, shakarim, Aujezov, moral, law.

Суд биев присутствует в романе М.О. Ауэзова «Путь Абая», по сути, с первой главы. Собрание авторитетных аксакалов рода Тобыкты в гостинной юрте Кунанбая, на которое был вызван отцом юный Абай, есть не что иное, как традиционный суд биев. Кунанбай (1804–85) был уважаемым бием, как были биями его отец Оскенбай (1778-1850), отец Оскенбая Ыргызбай (1744-84), дядя Оскенбая – достославный Кенгирбай (1735-1825). В ту пору (до реформы 1867-68 гг.) суд биев еще функционировал в системе правосудия,

¹ Статья подготовлена по гранту Республики Казахстан, номер госрегистрации 0112РК02907.

сформировавшейся в недрах кочевого общества в период «Золотого века правосудия». На международной научной конференции «Казахский суд биев – уникальная судебная система» (2008 г.) [1] председатель Верховного Суда Республики Казахстан Кайрат Мами отмечал: «В памяти народа Золотой век связан именно с периодом расцвета правосудия биев и торжества законности, пришедших на время царствования Тауке-хана. Суд биев стал важнейшим институтом государства, его опорой, играя консолидирующую роль в жизни казахского общества. В это же время увидели свет знаменитые правовые уложения “Жеті Жарғы”» [2].

Как известно, издревле в казахской степи титул «бий» был не столько наследственным или жалуемым, сколько обретенным, заслуженным званием. Официально бии не назначались и не избирались, то есть выборов, как таковых, не было. Претенденты выявлялись действующими биями, аксакалами, другими уважаемыми людьми, первоначально оказывавшими поддержку. Ч.Ч. Валиханов в «Записке о судебной реформе» подчеркивал, что гарантией правосудия служила безупречная профессиональная и нравственная репутация: «Возведение в звание бия не обуславливалось у киргиз (казахов – *прим. авт.*) каким-либо формальным выбором со стороны народа и утверждением со стороны правящей народом власти; только глубокие познания в судебных обычаях, соединенные с ораторским искусством, давали киргизам это почетное звание» [3, с. 87]. То есть бии обязаны были знать в совершенстве нормы обычного права, обладать ораторским талантом. И еще должны были быть честными. Бесчестный судья быстро терял статус бия, поскольку к нему переставали обращаться. Иные критерии (происхождение, опыт, возраст, социальный статус) не имели определяющего значения. Например, в юном возрасте стал бием Кунанбай. Как-то в отсутствие его отца Оскенбая в дом пришли за решением спора сородичи. Их выслушал сын бия, дал вполне разумный совет, проведя разбор со знанием дела. Конфликтующим сторонам решение понравилось, они приняли его. С тех пор Кунанбай стал правомочным бием [4, с. 16].

Пример показывает, что избранные должны были продемонстрировать умение в первом же судебном деле. Успех обеспечивал признание бием. Об этом писал и Чокан Валиханов: «Чтобы приобрести имя бия, нужно было киргизу (казаху – *прим. авт.*) не раз показать перед народом свои юридические знания и свою ораторскую способность. Молва о таких людях быстро распространялась по всей степи, и имя их делалось известным всем и каждому. Таким образом, звание бия было как бы патентом на судебную и адвокатскую практику. Дети лиц, носивших звание биев, имея большую юридическую практику, обыкновенно наследовали знания и вместе с тем и звания своих отцов. Впрочем, из этого вовсе не следует думать, что звание биев было у киргиз когда-либо наследственным. Мы знаем много киргиз, отцы которых были известными биями, но которые сами не носят этого звания» [3, с. 87].

Суд биев в юрте Кунанбая, главы большого рода, закончился, как известно, вынесением смертельного приговора Кодару и его невестке Камке за прелюбодеяние. Оба представлены в романе «Путь Абая» безвинно принявшими смерть, хотя об обратном говорят некоторые письменные свидетельства, в том числе, информация, содержащаяся в стихотворении «Қодардың өлімі» Шакарима Кудайбердыева (1858-1931), внука Кунанбая [5, с. 133-137]. При желании можно заподозрить Шакарима в намерении обелить деда.

Однако важнее понять, соответствовал ли судебный процесс принятым нормам. Чокан Валиханов писал: «Суд биев производился словесно, публично и во всех случаях допускал адвокатуру» [3, с. 88]. То есть большую роль играло владение судьями ораторским искусством как средством доказывания и обоснования судебного решения [2]. Добавим, что судьи должны были стараться добиваться примирения сторон и полного возмещения ущерба. И, что немаловажно в деле Кодара и Камки, суд биев придерживался традиционных моральных установок.

Суд у Кунанбая проходил заочно, что не противоречило требованиям адата – обычного права, поскольку обвинения поступали с разных сторон: «Не только свои – чужие вчера на сборе бросили нам грязь в лицо! Им тоже все известно», – говорит в романе Кунанбай [6, с. 40]. Суд производился достаточно публично – присутствовали влиятельные представители основных подродов. В качестве адвоката, надо полагать, выступал Суяндик, сородич Кодара, но Кунанбай сокрушил его в споре, что мастерски показано М. Ауэзовым. И главное – дело касалось морали. «Такого чудовищного преступления казахи не знавали в прошлом, – ужасался Кунанбай. – Не знаем мы и кары за него. Наказание – по шариату» [6, с. 40]. А по шариату наказание – смерть. То есть судебная процедура и решение суда соответствовали основным принципам обычного права. И даже земли у Кодара отобрали в пользу оскорбленных сородичей тоже, получается, по праву.

Другой пример. В ту пору глава рода еще мог совмещать должность бия. И при решении, например, вопросов о маршрутах перекочевок его вердикт оказывался вдвойне весомым. «Слова Кунанбая были одновременно и жалобой истца, и приговором судьи», – писал Ауэзов о решении отнять зимовья в пользу своих близких, озвученном Кунанбаем прямо в степи в ходе перекочевки [6, с. 86]. Обиженные тобыктинцы, считая невозможным доверять в этом случае суду биев, обратились к окружному начальству. «Божей со своими едет в Каркаралинск подавать жалобу на Кунанбая», – говорится в романе о развитии конфликта между авторитетными персонами [6, с. 111]. И российская администрация не отказывала в таких случаях истцам, вовлекая их в утомительную и разорительную по определенным причинам систему имперского судопроизводства. Причины раскрываются в романе в описании закулисных перипетий тяжбы Божея против Кунанбая в Каркаралинске. «Боже мой, да разве есть тут начальник, который не брал бы взятки? Разве не берут они все и справа и слева, разве не глотают в два горла?» – говорит в сердцах Алшинбай, друг и сват Кунанбая [6, с. 122].

В целом жители степи на всех уровнях старались меньше иметь дела с судом метрополии, традиционно отдавая предпочтение суду биев, о чем писал Чокан Валиханов в «Записке о судебной реформе»: «В пользу суда биев мы можем привести еще один крупный факт, говорящий сам за себя. Это то, что русские истцы или русские ответчики во многих случаях предпочитают суд биев русскому следствию. Известно достоверно, что в Кокчетаве в нынешнее лето было решено несколько десятков такого рода дел» [3, с. 90-91]. Мнение современника событий особенно ценно в компаративистском анализе. Ч.Ч. Валиханов приводит внушительный список отличий суда биев от мирских судов, которые действовали в соответствии с правилами судопроизводства Российской Империи: «Бии существуют в неопределенном числе, мировые же судьи полагаются по несколько на каждый мировой округ... Бии никем формально не избираются и формально никем не

утверждаются. Значение их основано на частном авторитете, который приобретают они так же, как в Европе поэты, ученые и адвокаты. Шекспир и Гете считаются всеми за великих поэтов, но мнение о гениальности их основано не на декретах правительств и не на формальных выборах народа. Для выбора в мировые судьи существует определенный порядок и ценз... Бии не получают никакого содержания ни от казны, ни от народа, но берут «бийден бийлаги», а мировому судье полагается из земского сбора определенная сумма на содержание его самого и на расходы его по канцелярии... Мировой судья решает дела единолично, а суд биев одноличен может быть только тогда, когда тяжущиеся принадлежат к одному роду с бием и сами пожелают одного судью... Бии разбирают и решают дела на своем языке, по своим обычаям и законам, мировые же судьи, хотя и делают разбор на местном наречии, но решают по совести или на основании общих законов Империи» и т.д. [3, с. 91-92]. Вывод казахского ученого однозначен: «По нашему мнению, суд биев... имеет некоторые преимущества перед судом мировым, по крайней мере в отношении киргиз. Мы бы сказали абсолютное превосходство, если б не боялись, что нас могут заподозрить в преувеличении» [3, с. 92-93]. В завершение работы Ч.Ч. Валиханов предлагал: «Руководствуясь той истиной, что для нормального роста народа, на какой бы степени развития он ни стоял, необходимы: саморазвитие, самозащиты, самоуправление и самосуд, мы приходим к тому неотразимому заключению, что суд биев следует оставить до поры до времени в том самом виде, в каком он был до издания закона 1854 года, а закон этот, как рожденный под влиянием бюрократических идей, единственно в видах формализма и порядка, следует отменить» [3, с. 95]. (Имеется в виду «Положение Сибирского комитета о распространении на казахов сибирского ведомства общих законов Российской империи» от 1854 г., удостоверявшее статус имперского законодательства в степи.) Работу Валиханова, по всей видимости, внимательно изучали в Омске. Никто законы Империи отменять не собирался, но суд биев, как и советовал Чокан, оставили. Более того, со временем число биев в составе суда увеличили в директивном порядке. Генерал-губернатор Александр Осипович Дюгамель был человеком осторожным и предпочитал проводить имперскую политику в казахской степи умеренными методами, выступая против кардинальных перемен в системе управления. Потому другие важные предложения Валиханова, изложенные в «Записке о судебной реформе», прежде всего, по вопросам народного образования и налогообложения кочевых казахов, оставил без внимания.

Вместе с тем роман «Путь Абая» дает образцы достаточно противоречивых решений, принимавшихся порой судом биев. Примирение Кунанбая и Божея, например, завершилось, по воле биев, неоднозначным исходом: Кунанбай должен был отдать своего ребенка на усыновление Божею якобы для укрепления внутривидового мира. Ауэзов в душераздирающих тонах поведал о том, как малолетняя Камшат, дочь Айгыз и Кунанбая, была отдана Божею, который из мести извел девочку до смерти [6, с. 145, 175]. Эта история отражает архаичный характер некоторых решений суда биев, воскрешая в памяти дело Енлик и Кебека, отголоски которого доносятся со страниц романа «Путь Абая» в контексте создания Дарменом поэмы «Енлик и Кебек» [7, с. 12, 62, 318]. Примечательность этого досье – в резонансном решении суда биев второй половины XVIII в., постановивших самым жестоким образом лишить жизни Енлик и Кебека, связавших судьбу узлами брака вопреки традициям и воле родных.

В целом, эффективное функционирование суда биев в первой половине XIX в. свидетельствовало о высокой адаптивности традиционной системы судопроизводства в условиях доминирования в казахском обществе кочевого способа хозяйствования, даже в режиме общего внешнего управления, производимого российской администрацией. Но конечная имперская цель российской миссии, а именно всеобщая седентаризация кочевых казахов, неизбежно предопределяла и опосредовала законодательные реформы. И во второй половине XIX в. по решению российского правительства суд биев претерпел существенные изменения. В результате политико-административной реформы, проведенной в 1867-68 гг. была вообще кардинально изменена структура общественной жизни казахов. Основной целью реформ, согласно «Временному положению об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств» от 11 июля 1867 г., было «объединение подвластных России народностей под одно управление, устранение от власти местных аристократов, ослабление родовых начал, чтобы добиться слияния казахских степей с прочими частями России XIX в.» [8]. Сущность реформ, как считают современные исследователи, состояла в переходе от косвенного управления с ограниченным вмешательством российской администрации во внутренние дела казахов, к прямому управлению посредством назначаемых сверху чиновников [9]. В соответствии с §210 «Временного положения...» вся территория Казахстана была объявлена собственностью Российской империи.

Очевидным, легко прочитываемым желанием российской администрации было стремление ликвидировать султанскую власть. При этом вроде бы возрастала роль биев, поскольку именно бии и баи должны были стать опорой власти. Были окончательно отменены выборы старших султанов и введена выборность волостных, которая привела к совершенно новому явлению в степи – борьбе за должность волостного с не виданными прежде полномочиями. Родовые кланы получили возможность обогащения путем продвижению в волостные своих выдвиненцев.

Таким образом, несмотря на усиление роли суда Российской империи, «Временные положения...» оставляли в действии обычное право казахов (адат) и суд биев. Теперь в каждой волости выбирались и утверждались военным губернатором от 4 до 8 биев. Но из ведения суда биев изымались все крупные уголовные дела, им были оставлены лишь дела по временным искам не выше 300 рублей у кочевников и не выше 100 рублей в оседлых районах. Жалование биям не полагалось, но за ними сохранялось прежнее право получать с виновных бийлик. Были введены волостной и чрезвычайный съезды биев. В функции первого входили апелляции по решениям биев и разбор исков на сумму до 500 рублей (25 лошадей или 250 баранов). На чрезвычайных съездах рассматривались дела между волостями. Решения съездов считались окончательными. Казахам-кочевникам разрешалось обращаться непосредственно в русский суд, минуя суд биев.

Новшества в судебной системе, определенные реформами 1867-68 гг., нашли отражение в романе «Путь Абая». На Балкыбекском чрезвычайном съезде биев, например, собрались предста-вители девяти волостей двух уездов – Семипалатинского и Каркаралинского [6, с. 617]. Согласно повествованию Ауэзова, на съезде присутствовало уездное начальство и не только присутствовало, но в первый день разбиало жалобы кочевников на решения волостных управителей, чем, в принципе, должны заниматься участники съезда. Однако затем был избран главный бий (төбе би) съезда, и спорные дела

решали сами казахи. Причем сложное дело, названное «тяжкой девушки Салихи», было передано Абаю Кунанбаеву, выбранному бием-посредником [6, с. 645]. Назначение как главного бия, так и биев-посредников тотчас утверждалось уездным начальником.

В качестве одного из наиболее характерных примеров отражения в романе «Путь Абая» реформ 1867-68 гг. можно назвать эпизод с кражей жигитеками табуна лошадей у Такежана (Танирберды), старшего брата Абая. В романе барымту организовывает бежавший из сибирской ссылки Базаралы Кауменов из мести как за свою поруганную честь, так и за народ, страдающий под гнетом. Абай, выгораживая конокрадов, как бы защищает народ. Более того, он стыдит своих родственников-баев, грозя народным возмущением [7, с. 109]. В действительности Абай вряд ли мог пойти против родных, защищая конокрадов. Он всегда помогал людям, ставя нужды народа выше собственных, но с барымтой мириться не мог. Реальную ситуацию проясняет в воспоминаниях Турагул, сын Абая. Рассказывая о ситуации после избрания волостным Кунту, представителя противоборствующей «партии», Турагул упоминает о многочисленных жалобах на Абая: «В Семипалатинск прибыл из Омска генерал-губернатор в сопровождении бывшего уездного начальника Лосевского. Изучив жалобы, губернатор уже собирался вынести резолюцию – осудить моего отца. Но Лосевскому удалось завести его к генералу. Отец не рассказывал нам, о чем они говорили. Упомянул только, что генерал-губернатор сказал ему: “Ты, оказывается, человек, обогнавший свое время”. Тут же генерал-губернатор отдал распоряжение, и Кунту сняли. Исполнять его обязанности поручили Шакариму. Не зная о таком повороте событий, наши противники, думая, что Абай будет выдворен отовсюду, угнали у Танирберды два вышедших из зимы табуна. И когда Кунту был снят, народ, употребивший в пищу отобранный скот, попал в сильную зависимость и обнищал» [10, с. 42]. Слова Турагула подтверждает и Мухтар Ауэзов, но не в романе, а в исследовательской работе: «Не зная о происходивших в Семипалатинске событиях, враги Абая, поверившие в слухи о предстоящем его аресте, напали на табуны Танирберды, брата Абая. И не просто напали, но большую часть табуна вырезали. Как раз в этот момент пришло сообщение о том, что Кунту сняли с должности волостного, а на его место поставили назначением Шакарима. В народе пропало единство, люди попали в тяжелое положение» [11, с. 35].

У Абая были сложные отношения с Танирберды, ему не импонировало безоглядное стремление брата к накоплению. Однако они были родными людьми, состояли в одной «партии». И после угона лошадей Абай поручил Шакариму (в романе – Шубар) отстаивать в суде биев интересы Танирберды, а значит всех родственников. Суд биев в данном случае был на руку Кунанбаевым, и это характерный для того периода момент. Функционирование суда империи наряду с судом биев оставляло кочевым казахам люфт. Они могли выбирать между разбором тяжб в российском суде и решением в суде биев. Как правило, к первому стремились зажиточные жалобщики, второе оставалось прерогативой простых кочевников. Оразбай, глава противостоявшей Кунанбаевым «партии», ориентировался на российский суд, рассчитывая склонить чиновников на свою сторону подношениями. Однако, Абаю удалось убедить окружное начальство передать дело в суд биев. Подкупить биев не представлялось возможным. Разбирательство не тянулось долго. Девять биев – известные волостные и богачи области – управились в один день. Выслушали представителей жигитеков, которые не отрицали факт угона лошадей.

Выслушали Шакарима, заявившего, что нельзя считать виновными только жигитеков, отвечать должны все участвовавшие в набеге подрода. К ночи бии объявили решение: за каждую голову уничтоженного табуна угонщики должны вернуть по два пятилетних коня, всего восемьсот голов. Это был жестокий приговор, поставивший нарушителей в тяжелое положение [7, с. 122].

Как показано в романе, в определенных случаях и Абай предпочитал для решения проблем своих сторонников суд империи. Так, он решительно настаивал на разборе дела Макен Азимовой российским судом. Противоборствующая сторона требовала передачи дела даже не суду биев, а в ведение мечети: «Спорные дела, касающиеся брака и развода в отношении мусульманских женщин, – писал составитель прошения, – подлежат только шариату. Дело Азимовой правомочны решать лишь имамы мечетей, духовные пастыри мусульман» [7, с. 421]. Не углубляясь в вопрос о том, насколько вымышлен данный эпизод в художественном произведении, каковым является роман «Путь Абая», отметим лишь, что реформами 1867-68 гг. не предусматривалось решение тяжб гражданских лиц мечетью, а потому дело могло быть передано только суду биев, хотя близость канонов адата и шариата отмечали многие исследователи. Тот же Шакарим Кудайбердыев писал в статье «О судах и судьях», опубликованной в газете «Қазақ», №65 от 8 июня 1914 г.: «Часть старого казахского свода законов соприкасается с шариатом. Ибо шариат никогда не был застывшим камнем. Он призывает меняться под соответствующую эпоху и действовать в соответствии с временем. А в застывший камень его превращают неумные муллы. Можно привести примеры, как окостенелые сегодня правила шариата в иные эпохи вовсе не выглядели таковыми. Например, шариат говорит о свободе действий: если трудно – не делай, лучше измени» [12].

Как бы то ни было, в романе «Путь Абая» победили сторонники Абая: «Дело Макен Азимовой» рассматривалось в окружном суде. Но без участия биев не обошлось и в этом случае: «Решение суда было объявлено Макен через толмача тут же. Оно предоставляло казахской девушке распорядиться своей судьбой по личному своему желанию. Решив таким образом моральную сторону “Дела Азимовой”, судьи так и не рискнули, однако, довести дело до конца и затронуть его материальную сторону. Спор об имущественных интересах, о возвращении калыма они передали на рассмотрение казахского суда биев, для любовного согласия тяжущихся сторон» [7, с. 441-442].

В романе Ауэзова есть место не только суду биев, но и эпизодам вынесения решения отдельным бием (Абаем), например, в деле о потраве табуном посевов у бедняков [6, с. 640]. В другом месте Ауэзов мастерски описывает случай оперативного вынесения биями решения прямо в степи, в момент острого конфликта. «Отступите и пришлите сейчас же троих людей для переговоров», – приказывает Абай готовым к бою противникам. «Так начались переговоры, – говорится в романе. – Они затянулись до самого вечера. Абай оставался упрямым, несговорчивым и суровым. Он настаивал на своем, ни в чем не уступая. Только под вечер было достигнуто соглашение: все тридцать задержанных жатаками коней перешли в пользу ограбленных аулов» [7, с. 231-232].

Абая порой представляют достаточно простодушным бием, которого можно и обмануть, но в реальности такого быть не могло. Принявшего ошибочное решение бия быстро бы «вычислили», и к нему не обращались бы степняки со спорными делами. «Бий

тогда только судья, когда к нему обращаются тяжущиеся, обращаются же к нему – пока он пользуется хорошим *renomnee*, только потеря авторитета лишает его бийского звания», – писал Чокан Валиханов [3, с. 91]. В действительности, Абай по натуре был прирожденным бием. Архам Ыскакулы, племянник Абая, вспоминал: «Была у Абая одна особенность, он впивался глазами в человека, который приходил с приветствием. Сразу расспрашивал, с чем пришел посетитель, какое у него дело. Если человек отвечал внятно, дело его оказывалось важным, Абай тут же решал проблему. Вынеся решение, говорил: “Теперь иди в другую юрту, там тебя накормят”. Однако если посетитель говорил со смущением, что прибыл просто поприветствовать знатного хозяина, Абай тотчас отправлял его в гостевую юрту: “Иди, поешь”. И сколь долго ни гостил такой посетитель, его не прогоняли. Но если он приезжал повторно и теперь говорил, что у него есть дело, Абай не замечал его. Другая особенность: если кто-то брал слово, он слушал, отставив все дела. И пока человек говорил, не вставлял ни слова. Если речь нравилась, задавал вопросы, беседовал. Если не нравилась, мог прервать резко: “Хватит, довольно!” Он никогда не судил о людях по родству, богатству, знатности. Выносил заключение только по сказанным словам и совершенным поступкам» [13, с. 129]. Такой Абай ошибаться не мог. И он не ошибался как бий, судил строго, даже жестко, но справедливо. И в результате был назначен одним из главных биев чрезвычайного съезда в Кара-Мола [7, с. 313]. Это была вершина его карьеры в качестве народного судьи.

В целом трансформация традиционной судебной системы, осуществленная в казахской степи во второй половине XIX в., высветила преимущества традиционного суда биев, о которых писал еще Ч.Ч. Валиханов. Продолжая тему уже в начале XX в., свои предложения по модернизации суда биев вносил в статье «О судах и судьях» и Шакарим: «По моему разумению, число биев надо сокращать. Их должно выбирать общество шарами, то есть голосованием. Споры, по которым бии не могут вынести решения, нужно передавать в третейский суд. Обе стороны должны заносить свои показания в книгу. Если они не договорятся через посредника, пусть соглашаются с решением выборного бия, которого для них определит жребий. За этим бием должно оставаться последнее слово. Требующие материальное возмещение истцы должны вносить плату бию. Ибо тяжбы могут затянуться, и это служит причиной продолжения барымты. Над всеми биями нужен еще один бий, который должен разобратся, когда бии не соглашаются друг с другом. Если будет осуществляться надзор российским вышестоящим судьей, он должен выявлять и устранять противоречия» [12]. То есть Шакарим, опытный и уважаемый бий, прекрасно понимая неизбежность дальнейшего реформирования суда биев в условиях доминанции внешнего управления, с одной стороны, предлагал приблизить суд биев к форме судопроизводства Империи (ввести выборность биев, учредить третейский суд, установить плату по имущественным искам, узаконить суд верхней инстанции и т.д.). Но с другой стороны, он не забывал о преимуществах старинного суда биев, считая необходимым хотя бы вернуться к ограниченному числу биев. Откровенно и с некоторой печалью он рассуждал: «Что касается отправления суда, нельзя сказать, что у казахов не было старых путей-традиций. Есть протоптанная, потемневшая от времени дорога. Но эта дорога забыта. Причина во многом происходит от обращений к русским законам. Например, есть закон о выборах, но есть и взятки – удобно сделать бием близкого человека, в итоге им становится кто угодно, и он говорит что захочет. Другая причина в том, что старинный свод законов не был записан. Однако многое из старины пригодно в

сегодняшней жизни. Раньше нормы жизни в большинстве выстраивались с опорой на тот путь. И если, свернув старинные законы, отобрав подходящее, выправив в соответствии с требованиями современной жизни, написать проект законов, для казахов не было бы более удачного свода» [12].

Имелась ли в то время возможность возрождения традиционного суда биев, о котором ностальгировал Шакарим? Объективных предпосылок, конечно, не существовало. Суд биев все больше превращался в орган российской администрации, которая фактически утверждала биев, переизбираемых с удручающей частотой – каждые три года. Причем избираемый суд биев все дальше уходил от древних правовых традиций. Еще в конце XIX в. волостным съездам биев было предоставлено право издавать собственные письменные постановления (ереже). На их основе зародилась эклектичная правовая система (новый адат). В ней присутствовали и нормы шариата, и положения российского права, и собственное законотворчество биев, но только в малой степени – традиционные правовые нормы казахов [14]. Новый адат был принят в судопроизводство. Но такой формализованный суд биев не снискал уважения у населения. В результате казахи были вынуждены обращаться к нему, но потом все равно негласно шли к прежним биям, и те принимали решения в соответствии с традиционным правом, на существование которого и намекал в своих рассуждениях Шакарим. Ставшие, по сути, нелегальными, прежние бии пользовались гораздо большей популярностью в народе, нежели официально избираемые бии.

В таком дуальном виде суд биев просуществовал до революции 1917 г. и какое-то время функционировал при советской власти, но в 1924 г. «третейские суды» (так именовались тогда официальные суды биев) были окончательно запрещены Уголовным кодексом РСФСР. Деятельность суда биев была прекращена не из-за несовершенства, а по политическим мотивам. Традиционный суд биев успел доказать свою высокую эффективность. В нем успешно реализовалось единство норм права и морали: традиционного права казахов и высокой моральности биев.

Вот почему мысль Шакарима о возврате к старинному пути актуальна и сегодня. Идея возрождения традиционного суда биев не утрачена навсегда. Его нормы выглядят привлекательными на фоне современного судопроизводства, базирующегося исключительно на писаных законах и нормах права. В связи с извечной важностью вопроса о взаимосвязи права и этики, права и морали, принципы традиционного казахского суда биев заслуживают внимания на самом высоком уровне.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Шулембаева Р. Золотой век правосудия // Казахстанская правда. 2008. 24 мая.
- 2 Мами К.А. Суд биев. – [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://supcourt.kz/rus/history/sud_biev.html.

- 3 Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе. Собрание сочинений. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. Т. 4. С. 77.
- 4 Сыдыков Е.Б. Шакарим. М.: Молодая гвардия, 2012. 352 с.
- 5 Құдайбердиев Шәкәрім. Шығармалары. Алматы: Жазушы, 1988. 493 б.
- 6 Ауэзов М.О. Путь Абая, т. 1. М.: Художественная литература, 1971. 718 с.
- 7 Ауэзов М.О. Путь Абая, т. 2. М.: Художественная литература, 1971. 688 с.
- 8 Кабульдинов З.Е., Кайыпбаева А.Т. История Казахстана (XVIII в. – 1914 г.). Алматы: Атамұра, 2008. С. 162.
- 9 Исмагамбетов Т. Развитие казахского истребительства в конце XIX – середине XX веков // Центральная Азия. 1997. № 5. С. 37-51.
- 10 Құнанбаев Т. Әкем Абай туралы. Алматы: Ана тілі, 1993. 56 б.
- 11 Әуезов М.О. Абайдың туысы мен өмірі // Абай. 1992. №2. 28 б.
- 12 Шаһкерім. Би ғәм билік туралы // Абай. 1994. №9. 59-60 б.
- 13 Ысқақов Ә.К. Абайдың өмір жолы / Абай туралы естеліктер. Т. 1. Семей: Абайдың мемлекеттік қорық-мұражайы, 2010. 6 б.
- 14 Никишенков А.А. Адат, суд биев и институты российской государственности в обществе казахов, киргизов и туркмен в XIX веке / Степной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен. М., 2000. С. 13-14.

REFERENCES

- 1 Shulembaeva R. *Kazahstanskaja pravda*, **2008**, 24 May (in Russ.).
- 2 Mami K.A. http://supcourt.kz/rus/history/sud_biev.html (in Russ.).
- 3 Valihanov Ch.Ch. *Sobranie sochinenij*. Alma-Ata: Glavnaja redakcija Kazahskoj sovetskoj jenciklopedii, **1985**, **4**, **77** (in Russ.).
- 4 Sydykov E.B. *Shakarim*. M.: Molodaja gvardija, **2012**, 352 (in Russ.)
- 5 Kudajberdiev Sh. *Shygarmalary*. Almaty: Zhazushy, **1988**, 493 (in Kazakh).
- 6 Aujezov M.O. *Put' Abaja*. M.: Hudozhestvennaja literatura, **1971**, *1*, 718 (in Russ.)
- 7 Aujezov M.O. *Put' Abaja*. M.: Hudozhestvennaja literatura, **1971**, *2*, 688 c. (in Russ.)

8 Kabul'dinov Z.E., Kajypbaeva A.T. *Istorija Kazahstana (XVIII – 1914)*. Almaty: Atamura, 2008, 162 (in Russ.).

9 Ismagambetov T. *Central'naja Azija*, 1997, 5, 37-51 (in Russ.).

10 Kunanbaev T. *Akem Abaj turaly*. Almaty: Ana tili, 1993, 56 (in Kazakh).

11 Aujezov M.O. *Abai*, 1992, 2, 28 (in Kazakh).

12 Shahkerim. *Abai*, 1994, 9, 59-60 (in Kazakh).

13 Yskakov A.K. *Abai turaly estelikter. T. 1. Semej*, 2010, 6 (in Kazakh).

14 Nikishenkov A.A. *Stepnoj zakon. Obychnoe pravo kazahov, kirgizov i turkmen. M.*, 2000, 13-14 (in Russ.).

Резюме

Ш.А. Құрманбаева

(Қазақ инновациялық гуманитарлық-заң университеті, Семей қ.)

«АБАЙ ЖОЛЫ» РОМАНЫНДА СИПАТТАЛҒАН КЕЗЕҢДЕГІ БИЛЕР СОТЫНЫҢ ТҰРАҚТЫЛЫҒЫ

Дәстүрлі қазақ қоғамының қойнауында туындаған билер соты XIX ғасырда Ресей империясының ресми құқықтық жүйесінің құрылымына кіргеннен кейін өркениетті нысанды қабылдады. Жоғары бейімделу қасиеттеріне ие билер сотының тұрақтылық себептері М.О. Әуезовтің «Абай жолы» романында кеңінен ашып көрсетілген. Билер соты шығарған шешімдердің шынайы әрі көркемдік мысалдарын зерттеу қазақ қоғамындағы құқық пен мораль нормаларының тұтастық концепциясының сәтті жүзеге асырылғанын, яғни 1867–68 жылдардағы саяси-әкімшілік реформаға дейін де, кейін де қазақтардың дәстүрлі құқықтары мен билердің жоғары моральдылығын көрсетеді. Сыртқы басқарудың басымдылығы жағдайында билердің дәстүрлі соты кеңестік билік кезінде билердің қызметіне директивті түрде тыйым салғанға дейін өз тиімділігін айқын көрсетіп келген, бұл заманауи сатыдағы қағидаттарға назар аударудың өзектілігін арттыра түседі.

Тірек сөздер: билер соты, Абай жолы, Шоқан Уәлиханов, шәкәрім, Әуезов, мораль, құқық.

Summary

Sh.A. Kurmanbayeva

Kazakh Humanitarian Juridical Innovative University, Semey

STABILITY OF THE BIY COURT IN THE AGE DESCRIBED IN THE NOVEL "ABAI'S WAY"

Biy court that was born in the depths of the traditional Kazakh society has received civilization clearance in the XIX century by entering the structure of formal legal system of the Russian Empire. Reasons for stability of the biy court that had high adaptive qualities are revealed in the novel of M.O. Aujezov "Abai's Way". The study of real and artistic examples of passing judgment by biy court reveals successful implementation of the concept of unity of law rules and morality in the Kazakh society: traditional law of Kazakh and high morality of biys both before and after political and administrative reforms of 1867-1868. In terms of domination of external management traditional biy court demonstrated its effectiveness up to the directive prohibition of biys' activities already under the soviet system, which actualizes the attention to his principles at the present stage

Keywords: biy court, Abai's Way, Chokan Valikhanov, shakarim, Aujezov, moral, law.

Поступила 30.04.2013 г.